

■ Глобальное общество

О. Н. Яницкий

КАЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ОСАЖДЁННОГО ГОРОДА: случай Алеппо (Сирия)

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Социология критических состояний городских систем: теория и практика», грант № 15-03-000-27

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4996

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация. Опираясь на анализ отечественной и зарубежной литературы, СМИ и собственные исследования критических состояний городов, автор излагает свой взгляд на обозначенную в заглавии статьи проблему в виде следующих тезисов. Первый, под воздействием Третьей научно-технической революции (НТР) все конфликтные ситуации в мире приобретают сложный (гибридный) характер. Второй, НТР создала сетевые системы (информационные, ресурсные, человеческие) как всеохватывающие и всепроникающие средства воздействия на любого социального агента, включая вероятного противника. Третий, таким образом, гибридная война – это форма тотального риска, то есть всеохватывающих и всепроникающих рисков, которым потенциально подвержены человеческие общности любого масштаба. Четвертый, в этих условиях территориальные разграничения (ядро-периферия, фронт-тыл, опасное-безопасное место и т. д.) приобретают относительный характер. Пятый, пространство социальных взаимодействий разделилось на материальное и виртуальное. Шестой, соответственно, такие базовые теоретические инструменты как безопасность, коммуникация, среда обитания, ресурсы, доступность, метаболические процессы, мобильность и др., приобретают новый социальный смысл. Седьмой, современные города являются средоточием названных выше сил и противоречий. В статье на основе обобщения обширного эмпирического материала рассматриваются теоретические вопросы специфики современной городской войны (*guerilla*), диспозиция в ней непосредственных участников (комбатантов и мирных жителей) и удалённых агентов, роли гуманитарных пауз и международных неправительственных организаций и т. д. Автором предлагается и обосновывается (в первом приближении) качественная динамическая модель осаждённого города на примере сирийского города Алеппо и некоторых других.

Ключевые слова: Алеппо, гибридная глобализация, городская война, метаболизм, модель, научно-техническая революция, реабилитация, сети, структуры, тотальный риск.

О понятии гибридная война

Гибридная война – новое, ещё не устоявшееся в научной литературе понятие. Особенно в социологии и других общественных науках. Это естественно, потому что технологические новшества создаются, используются и осмысливаются теоретически прежде всего военной наукой и военно-промышленным

комплексом, и лишь много позже осваиваются общественными науками. Это тем более удивительно, поскольку вся человеческая история есть история войн с короткими промежутками перемирий. И именно в ходе войн создавалось и тестировалось большинство технологических инноваций, которые затем переходили в «мирную» жизнь. Ниже следует краткий перечень характеристик современной гибридной войны.

Гибридная война – порождение Третьей научно-технической революции (НТР). Поэтому как сама концепция гибридной войны, так и её инструменты, формы действия и защиты суть детища этой современной НТР. Соответственно, любые заимствования из стратегического или тактического арсенала войн прошлых эпох вполне возможны, но они должны быть переосмыслены и трансформированы именно в контексте ситуации, созданной современной НТР.

Третья НТР создала такие средства ведения войны, которые в принципе являются всеохватывающими и всепроникающими. Речь, прежде всего, идёт о современных информационно-коммуникационных системах (сетях), которые сегодня охватывают все сферы общественного производства, потребления, доставки, защиты и т. д. Иными словами, современное общество вступило в фазу всеобщего и всепроникающего риска [Yanitsky, 2000].

В свою очередь, это означает, что сегодня на планете не осталось абсолютно безопасных мест – есть места только более или менее безопасные, причём степень риска для конкретных мест всё время меняется. Вообще, такие понятия, как «территория», «рубеж» или «граница», становятся относительными: в современной войне нет ни фронта, ни тыла, ни флангов в привычном для нас понимании. Все места суть потенциально уязвимые, вопрос только в степени надёжности их защиты. «Гибридная война» – это мобильная война.

Изменяется смысл таких понятий, как вооружения и вооружённость. Конечно, «старые» привычные для нас виды вооружений продолжают существовать и совершенствоваться (самолёты, танки, пушки), но не меньшее значение приобретают такие средства вооружения, как *радиоэлектронные средства борьбы*. Соответственно, возникают такие понятия, как электромагнитная обстановка, киберэлектромагнитная деятельность и многие другие [Горбачев, 2016]. Сюда же нужно отнести и борьбу с вероятным противником в пространстве СМИ и социальных сетях.

Более общий вывод заключается в том, что социальное пространство, в котором ведётся всякая борьба, фактически разделилось на два пространства: *материальное* и *виртуальное*. Конечно, они оба суть вполне материальные пространства, но практически и тактически

борьба на «поле боя» и в виртуальном пространстве далеко не одно и то же. Чем дальше, тем больше борьба за мировое или региональное господство перемещается именно в виртуальную сферу.

Развитие радиоэлектронных средств борьбы практически уничтожило физическое пространство (феномен, называемый *инверсией пространства*). Сегодня «здесь» и «там», «далеко» и «близко» практически не различимы. Фактически на преодолении пространства посредством времени построен процесс глобализации. Было бы ошибочным считать, что в современных условиях победу над вероятным противником можно одержать, действуя только в виртуальном пространстве. Тем не менее киберэлектромагнитная деятельность является сегодня «ударной силой». Электронная атака, электронная защита и электронное обеспечение военных действий приобретают решающее значение [Горбачев, 2016: 4].

Один из ведущих теоретиков сетевых политических систем – К. Сивков – выделяет такие их признаки: рассредоточение политической деятельности в информационной среде, устойчивость к дестабилизирующим факторам, организованность (но без явно выраженного лидера), способность добывать достоверную информацию, наличие устойчивой идеологической базы, массовость, влияние подобных сетевых систем в госорганах [Сивков, 2016: 4]. Западные теоретики, например, У. Бек, уже давно говорили о несоответствии современной политической системы быстро изменяющемуся обществу. Так что за *сетевыми политическими системами* не только военное, но и политическое будущее. Я уже не говорю о том, какое влияние социальные сети уже имеют на подростков и молодёжь.

Я называю современную войну гибридной не потому, что она ведётся многими средствами одновременно, хотя это тоже важно. Она гибридная, поскольку все её средства и направления тесно связаны. А связаны они потому, что сам процесс глобализации означает всё более тесное взаимодействие между разнокачественными структурами и процессами. Фактически на планете нет больше отдельно «природы» и «общества», первозданных экосистем и сконструированных человеком сложных систем, которые я называю социобиотехническими системами (СБТ-системами) [Яницкий, 2016].

Каким образом осуществляется это взаимодействие? Социология привыкла его трактовать как социальную связь. Да, такое возможно. Но в мире осуществляются мириады непосредственных и дистанционных взаимодействий, в результате которых и те и другие изменяются. Эти взаимодействия я называю *метаболическими*, в основе большинства которых лежат сложные биохимические процессы. Но если мы хотим познать мир, сконструированный нами самими, мы должны перевести эти взаимодействия на язык социальных и политических действий.

Из сказанного следует, что подход к сложным явлениям действительности должен быть *проблемно-ориентированным* и *междисциплинарным*. Первое необходимо потому, что постоянно изменяющийся мир ставит перед человечеством всё новые и новые проблемы. Второе необходимо потому, что сложное явление (структуру, процесс) нельзя познать методами какой-то одной дисциплины.

Недавно произошло знаменательное событие: международные советы ЮНЕСКО по социальным и естественным наукам решили объединиться! Если эта необходимость была осознана на уровне международных организаций, то и нам, учёным, занимающимся конкретными проблемами, этот подход необходим.

Специфика современной войны в городах

Сегодня, как и раньше, именно города и их инфраструктуры являются главным проблемным полем для изучения новых форм войны. Современная городская война (*modern urban guerilla*) является новым типом войны. Вот её основные характеристики.

Во-первых, *это война ведётся одновременно во всех пространствах*: в космическом, воздушном приземном, наземном и подземном. Но реальные боестолкновения происходят на чрезвычайно ограниченном и плотно заселённом пространстве, внутри которого практически нет возможности манёвра. Причём это пространство «заселено» как враждующими группировками, так и мирным населением. Однако никакого разделения на фронт и тыл здесь не может быть: *везде только фронт*, а тыл тут понятие условное, оно скорее может быть применено только к силам (то есть к боевикам), имеющим ресурсные и иные связи с внешним миром.

Во-вторых, как это ни парадоксально прозвучит, эта война на ограниченном пространстве конкретного города является, по существу, *глобальной*. В первом приближении можно выделить, по крайней мере, четыре зоны борьбы противоборствующих сил. Первая — это собственно город, с его плотной застройкой, лабиринтом улиц, подземных ходов, разделительных линий и т. д. Вторая — это диспозиция сил, непосредственно вовлечённых в данный конфликт. Третья — это (связанная со второй) диспозиция глобальных или региональных противоборствующих сил (*stakeholders*). Четвёртая, но не менее значимая, — информационное «покрытие» не только зоны боевых действий, но и глобальной экономической и социальной среды.

В-третьих, такая *война ведётся*, чаще всего, «чужими руками». Как показала история последних двадцати лет, практический смысл такой войны — это мобилизация и радикализация местного населения (прежде всего, молодёжи) для разрушения существующего социального порядка посредством «цветных революций», а затем — установления нужного глобальным игрокам «демократического» порядка. Реально же в результате получается не порядок, а хаос, «броуновское движение», облегчающее этим игрокам доступ к нужным им ресурсам и территориям, по которым проходят нефтегазовые и иные коммуникации.

В-четвёртых, это война чаще всего бывает «договорной», когда *военные действия перемежаются «переговорными паузами»*, во время которых главные противоборствующие силы действительно пытаются разрешить данный конфликт. Однако гораздо чаще они «инсценируют» переговорный процесс с целью перегруппировки подконтрольных им сил. Переговоры или их инсценирование – неотъемлемый компонент современной городской войны.

В-пятых, *информационная война* – неотъемлемый элемент современной городской войны. Более того, я полагаю, что успех на информационном «фронте» становится всё более значимым (если не решающим) по сравнению с реальными боевыми действиями. Это не отменяет значения «наземной» войны, но разрешение конкретного городского конфликта находится прежде всего в руках глобальных или региональных игроков, находящихся за тысячи километров от зоны боевых действий. Так или иначе, СМИ – мощный инструмент борьбы на «глобальном поле» противоборствующих интересов. Их роль в «промывке мозгов» не менее важна.

В-шестых, как показали события на Ближнем Востоке, сегодня *правозащитные и благотворительные организации* являются непосредственными участниками этих и многих других конфликтов. На мой взгляд, обозначив их всех как «иностранных агентов», мы тем самым лишили себя возможности влиять на их позиции в отношении того или иного международного конфликта, равно как и на общую атмосферу глобальных СМИ. Я отнюдь не солидаризируюсь с мнением названных международных организаций, многие их оценки не только субъективны, но являются просто постановочными кадрами, о чём не раз писали сами западные СМИ. Однако это не исключает работы с ними. Деятельность российских правозащитников должна быть одновременно ориентирована на решение наших собственных и международных проблем.

В-седьмых, как показали события в том же регионе мира, города, попавшие в перекрестье интересов глобальных и региональных сил, важны для нас, исследователей, по крайней мере с двух точек зрения. С одной стороны, они являются индикатором ресурсных и территориальных интересов глобальных игроков. С другой стороны, сегодня такие города являются средоточием борьбы местных сил за право существования в прежнем виде. В действительности, как будет показано ниже, после разрешения таких критических конфликтов ни сами эти города, ни их население практически никогда не возвращаются к довоенному образу жизни.

Среда войны

В гибридной войне разделение на её среду и ресурсы является весьма условным. Каждая среда имеет определённую *несущую способность* (carrying capacity). До некоторого времени это означает, что среда способна поглощать риски, производимые противоборствующими сторонами. Однако как только порог этой

способности превышен, среда сама становится источником опасностей для всех сил, вовлечённых в данный конфликт. Замечу, что в ходе боевых действий эта способность противостоять рискам неуклонно снижается: здания и сооружения, служившие защитой от нападения, разрушаются; помещения, ранее пригодные для жизни, пригодны лишь как временные убежища; комбатанты строят подземные ходы и хранилища, куда вход мирным жителям воспрещен, и т. д.

Само понятие «среда гибридной войны» является неопределённым. Как было сказано выше, среда конфликта имеет, как минимум, четыре зоны. Но это – в теории. На практике же эти зоны могут расширяться или сужаться, менять свою конфигурацию, содержательное наполнение, разные формы взаимоотношений между названными зонами и т. д. Это означает, что анализируемый нами процесс является вероятностным и, как уже отмечалось, разделённым на две сферы: «материальную» и «виртуальную».

В высококомобильном глобальном сообществе все рассматриваемые элементы гибридной войны – сами военные действия противоборствующих сил, их среда и ресурсы – являются подвижными или, говоря современным языком, «облачными», то есть открытыми системами. Сказанное не означает, что у рассматриваемой нами связки «среда – ресурсы» нет никакой структуры. Такая структура всегда есть, только она всё время изменяется. *Мобильное общество порождает мобильные войны и конфликты.*

Опыт изучения критических состояний городских систем показывает, что возможны самые разные типы среды подобной войны. Например, нейтральный по отношению к противоборствующим силам; или, напротив, с самого начала настроенный враждебно; «потребительски-ориентированный», то есть среда, где всегда есть возможность чем-нибудь поживиться; и наконец, «незнакомый» (неопознанный) в том смысле, что ни одна из противоборствующих сил не знает, что им ожидать от такой среды. Я называю этот тип «чёрным ящиком». На практике он представляет наибольшую опасность как для воюющих сторон, так и для будущих спасателей, сапёров, организаторов гуманитарных коридоров и др.

Время конфликта является важной переменной для определения состояния среды города, находящегося в критической ситуации. Если воюющие группы и мирное население долгое время (несколько месяцев) находятся в «сжатом» состоянии, полном опасностей для тех и других, то такая социальная «компрессия» порождает феномен «негативной солидарности», то есть общность людей с повреждённой психикой, которым требуется длительная реабилитация. К сожалению, для многих из них уготован не лучший путь: или поиск лучшей

доли на чужбине (например, в Европе), или же скитания по лагерям беженцев в третьих странах. Именно на почве такой абсолютной неустроенности могут возникать радикальные настроения и экстремистские группы.

Адаптация людей, подвергшихся длительному пребыванию в критических обстоятельствах, тема отдельного разговора. Здесь только отметим, что их восстановление никогда не бывает полным, напротив, возможны срывы и рецидивы. Сложность проблемы заключается также в том, что такая помощь, как правило, бывает массовой, тогда как большинству из пострадавших нужен индивидуальный подход. Наконец, вернуть этих несчастных людей в прежнюю обстановку (чего они хотят чаще всего) не представляется возможным, так как прежнего дома у них больше нет. Показательно, что феномен трудной реадaptации или полной дезадаптации исследован уже много лет назад, но изменений в социальной политике англосаксонских стран в отношении пострадавших так и не произошло [Храмчихин, 2016; Papademetriou, 1984; Wilson et al., 1988].

В подобных критических состояниях город перестаёт быть социальным организмом. Он становится полем боя, на котором оказываются ни в чём не повинные группы мирного населения. Фактически они являются заложниками ситуации и при необходимости используются в качестве живого щита. Однако в ряде случаев, несмотря на явное неадекватное поведение боевиков, часть мирного населения продолжает сочувствовать им, потому что они — «отцы и братья». Кровнородственные связи — очень сильная скрепа, особенно в традиционных обществах.

Ресурсы войны

Странное дело, понятие ресурс(ы) регулярно используется как в англосаксонской, так и в российской научной литературе, но типологии ресурсов я нигде не встречал. Однако это — весьма сложная тема, которая также требует отдельного анализа. Поэтому здесь я только обозначу некоторые её «реперные» точки.

Как уже отмечалось, *понятие ресурса неоднозначно*. В одних случаях оно может выступать именно как ресурс (для военных или гражданских целей), тогда как в других этот же ресурс выступает в качестве действующего лица, агента. Например, гражданское население есть важный ресурс, используемый боевиками для защиты от внешних сил. Однако в других случаях гражданское население начинает сопротивляться своим насильникам. Или, как минимум, начинает протестовать против своего бесправного положения.

Какова *истинная цена некоторого ресурса*? Вопрос, на первый взгляд, кажется бессмысленным. Только в семье маленький ребёнок постоянно снабжается ресурсами для роста и выживания безвозмездно, и то не всегда. А во взрослой жизни за доступ к некоторому ресурсу всегда нужно платить, и неважно — деньгами, взаимными обязательствами или собственными физическими усилиями.

Поэтому всякий ресурс имеет свою цену, иногда надо платить за него заранее, в других случаях потом. Но платить за доступ к нужному ресурсу необходимо всегда. А если речь идёт о критической ситуации, то тогда цена некоторых ресурсов равна цене самой жизни!

Всякий ресурс имеет ещё и другую цену — его *пространственно-временную доступность*. Не случайно существует старая поговорка: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз!» А в условиях осаждённого города цена ресурсов жизнеобеспечения (выживания) возрастает многократно. Если нет воды, лекарств, необходимых перевязочных средств, то ситуация становится просто катастрофической. В рассматриваемых условиях *само время является важнейшим ресурсом* выживания. Время, необходимое для того, чтобы купить или доставить необходимый для выживания ресурс. Есть и другое, не менее важное время — это *срок годности* пищевого продукта или лекарства. В нормальных условиях люди мало обращают на это внимания, полагая, что всё равно обманут, или что там столь сильные консерванты, что ничего с ним, потребителем, не случится. Но если в критической ситуации больному привезли лекарство, срок годности которого уже истёк, а доставить другое нельзя, то это катастрофа.

Далее, мы обычно пользуемся ресурсами, приготовление из которых, например, некоторого блюда — это привычная работа. Однако если жителю осаждённого города доставили пищевые продукты, но без соли, то это уже проблема. В традиционных обществах и, тем более, в критической обстановке *приготовление конечного продукта* — это очень сложная проблема. То же самое касается медицинской помощи. Далеко *не все медикаменты универсальны*, некоторые из них нужно вводить больному последовательно или, напротив, одновременно.

Есть и *проблема запасов*. В обычной жизни люди пользуются магазинами или лечебными учреждениями, аптечка сегодня есть в любом автомобиле, но не более. А как минимумом лекарств максимально обезопасить себя в осаждённом городе, хотя бы на время, — это уже трудно-разрешимая проблема. Запасы быстро иссякают, и человек в осаждённом городе остаётся один на один со своей Судьбой. Если военнослужащие сейчас переводятся на временно «автономное» существование, то каким образом в критической ситуации должны поступать мирные жители?

Все *ресурсы подразделяются по степени их необходимости*. В критической ситуации человек минимизирует свои потребности, остаются лишь те, которые необходимы ему для выживания. В Великую Отечественную войну люди донашивали одежду и обувь в течение многих лет. Без пищи человек может прожить месяц, тогда как без воды — зачастую всего несколько часов. Очень часто пострадавшие в аварии или катастрофе могли бы выжить, если бы помощь пришла вовремя.

Качественная модель осаждённого города (изучение случая)

Алеппо, сирийский город, был избран в качестве модели города, находящегося в критической ситуации, по нескольким причинам. Осаждённый в течение нескольких месяцев город — это действительно уже критическая ситуация. Алеппо — это типичный пример современного глобально-регионально-локального конфликта в условиях гибридной войны. В процессе осады и освобождения Алеппо проявились те специфические черты *крайней критической ситуации*, о которых говорилось выше. Длительность его осады позволила нам выявить некоторые (но далеко не все!) типичные характеристики критической ситуации как таковой. Наконец, освобождение этого города отнюдь не означает завершения критической ситуации, поэтому наблюдение за её развитием должно быть продолжено.

Итак, что же удалось выяснить и доказать? Прежде всего, обозначенные выше теоретические позиции в своём большинстве подтвердились. Социологи обычно анализируют ситуацию в городах без всякой её привязки к глобально-региональным процессам. В лучшем случае отмечается, что крупнейшие города мира являются узлами глобальных ресурсных потоков или коммуникаций. Для междисциплинарного анализа прежде всего важно, что *критические города суть многосторонние узлы взаимодействия* самых разных процессов и сил, которые связаны между собой столь же сложными метаболическими процессами. Внешний наблюдатель может фиксировать только растущую степень разрушения городской среды, однако для современного комплексного анализа не менее важно, что «прошлый» и «нынешний» Алеппо это, по сути, разные социальные организмы с совершенно различными закономерностями их динамики. И их оставшиеся в живых жители тоже совсем другие. Замечу, что современные западные исследователи кризиса городов избегают анализа критических ситуаций и их социальных последствий [Fujita, 2013a, 2013b].

Далее, выделенные выше четыре «зоны» конфликта взаимодействуют на ограниченном пространстве осаждённого города. Это *социально-пространственная компрессия* воздействует по-разному: одних она ожесточает, других превращает в заложников, третьих — в людей с повреждённой психикой, которым требуется длительная реабилитация. Однако эта реабилитация опять же зависит от того, в чьей зоне влияния окажутся пострадавшие. Как показала текущая ситуация в Алеппо, гуманитарный коридор, позволивший части боевиков избежать заслуженного наказания, играет в подобных ситуациях отрицательную роль. Западные страны, участвующие в других подобных конфликтах, тем самым *продлевают их* и порождают новые жертвы среди мирного населения. Такова странная функция современных гуманитарных операций.

Затем, и это принципиально важно, подобные локализованные *экстракритические ситуации создают специфический уклад и образ жизни*. Его типичными чертами являются: тотальный распад привычного, иногда веками созданного уклада

жизни, постоянные унижения и страх за свою жизнь и жизнь детей, отсутствие ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения, полное исключение жителей подобных городов из жизни их общества и глобальных процессов. На языке англосаксонской социологии это состояние называется *total exclusion*. Даже если обратиться к ситуации в наиболее уязвимых российских моногородах, где нет никаких военных действий, то в целом она будет не многим лучше: их население вынуждено искать временную работу в больших городах, а сами моногорода, лишённые градообразующего предприятия, постепенно деградируют.

Но вернёмся в Алеппо. Опыт восстановления многих городов мира, пострадавших от экологических или техногенных катастроф, показывает, что их прежняя жизнь не подлежит восстановлению прежде всего по экономическим причинам: для девелопера гораздо выгоднее снести развалины и отстроить город заново. Лишь для очень немногих городов Ближнего Востока (Пальмира, Ракка) может быть сделано исключение ввиду их мировой исторической ценности. Но это — только с точки зрения цивилизованного мира. В том-то и проблема, что радикалы и экстремисты ценности этих памятников истории и культуры не признают.

Важный и практически неизученный аспект Алеппо — это его *социальная экология*. Война разрушила все человеческие сообщества на его территории (социальные экосистемы). И вряд ли они способны восстановиться, у них для этого нет ни людей, ни ресурсов. Ещё в 1980-х годах, при изучении процессов реабилитации старых городов Европы с участием населения [Deelstra and Yanitsky, 1991], обнаружилось, что активное население подобных городов стремится сочетать элементы прежнего жизненного уклада и свои новые потребности. О быстром восстановлении хрупких *природных экосистем* в этом жарком климате говорить не приходится. В лучшем случае они будут заменены деревьями в кадках, в худшем — прилегающие к городу территории будут просто подвержены опустыниванию. Но есть в подобных фронтовых городах и «третья экология»: *тотальная сценка всех живых и мертвых компонентов этой критической среды*. Как её изучать — пока не ясно. Инсайдеров туда не пустят, а тех мирных жителей, которые попытаются поинтересоваться, что же происходит рядом с ними, просто уничтожат. Приходится ждать окончания военного конфликта, чтобы расспросить кого-то из оставшихся в живых. Но всё равно их сведения будут частичными и субъективными. *Город в критической ситуации — это «чёрный ящик»*, открыть который сразу и полностью невозможно. Там перемешано всё: трупы, оружие и боеприпасы, строительный мусор, остатки предметов быта и т. д. Без взаимодействия разных специалистов здесь не обойтись. Нужна новая специальность: *археология военных действий post factum*.

Социально-экологические процессы неотделимы от *метаболических трансформаций*. В этом аспекте критический город представляет собой открыто-закрытую систему поступления и использования ресурсов. Если мирное население использовалось боевиками как оборонительный инструмент (живой щит, материал для обмена на пленных или убитых), то само это население практически не имело ресурсных или информационных связей с внешним миром. А вот боевики, напротив, имели. Уже сейчас, после взятия Алеппо войсками сирийской армии, число противостоявших им «городских партизан» практически неизвестно, потому что в отличие от мирных жителей они до последнего момента имели связь с внешним миром. Плюс – такие же связи посредством подземных ходов, пополнение состава комбатантов во время «гуманитарных пауз» и т. д. Но вот что пока совершенно неизвестно, так это то, какое число боевиков действовало под видом мирных жителей. Известно только, что когда город был уже взят, то части боевиков удалось выйти из него по гуманитарным коридорам, потому что некоторые мирные жители говорили: «они – наши мужья и братья». Поэтому после взятия Алеппо ещё предстоит большая работа сирийским и российским сапёрам по разминированию улиц, домов и подземных ходов. А также «зачистка» города от разрозненных групп боевиков и террористов, замаскировавшихся под мирных граждан. Как уже отмечалось нами ранее, сегодня смертник-одиночка представляет не меньшую опасность, нежели целое воинское подразделение. Общий вывод заключается в том, что современная городская война создаёт новую, весьма специфическую ситуацию в отношении метаболизма города. И с течением времени этот метаболизм принесёт ещё немало сюрпризов. По данным некоторых СМИ, при зачистке Алеппо были взяты в плен несколько военных инструкторов из ряда европейских стран. И не просто инструкторов, а высокопоставленных военных из НАТО. А если боевики к тому же ещё заложили глубоко под землёй мощный заряд?

Следующая особенность гибридной войны – *дистанционный метаболизм*. При наличии развитой коммуникационной сети нет больше необходимости входить в непосредственный контакт с вероятным противником. Аэрокосмическая разведка даёт нужную картинку (локализацию), а авиация или беспилотники наносят бомбовый удар. Все эти факты говорят о том, что не только сама глобализация, но и локальные очаги конфликтов носят вероятностный характер, которые трудно предсказать.

Сказанное выше даёт основание для выдвижения гипотезы, согласно которой *любой город, находящийся в критическом состоянии, представляет собой двухуровневое локально-глобальное образование*. Один уровень – это все материальные сети и их узлы (человеческие контакты, ресурсные потоки, физико-химические метаболические процессы), центром сосредоточения которых является осаждённый город. Второй уровень – это виртуальные сети и их узлы, выходящие далеко за пределы зоны боевых действий. Эти сети и узлы обладают высокой проникающей способностью, позволяющей их агентам и конструируемым ими информационным потокам то

проникать в материальную среду осаждённого города, то действовать *дистанционно* на существующих площадках международных организаций, объединений стран или их временных альянсов. Я – не сторонник конспирологических теорий мировых процессов, но то, что масса современных социально-политических процессов скрыта от глаз обывателя, это, как говорится, медицинский факт.

Выводы и дискуссия

Мир становится всё более беспокойным, конфронтации и конфликты нарастают. В этой борьбе за участие в жизни глобального сообщества и его ресурсы наряду с военно-экономической мощью информационно-коммуникационные сети, созданные Третьей научно-технической революцией (НТР), играют всевозрастающую роль. На почве усложняющихся общественных процессов сформировалось и вошло в теорию современной глобализации и социально-политическую практику понятие «гибридная война». Это понятие сочетает в себе реальные военные действия и «мягкую силу» экономического и политического давления и пропаганды. Поэтому иное название гибридной войны – это «информационно-коммуникационная война», которая сегодня может причинить вред, вполне сравнимый с взрывом мощного ядерного оружия.

Под воздействием Третьей НТР все конфликтные ситуации в мире приобретают сложный (гибридный, многосторонний) характер. Введённое мною ранее понятие социобиотехническая система (СБТ-система) [Яницкий, 2016] как раз и отражает эту возросшую сложность мира и высокую степень интегрированности его отдельных компонентов. НТР создала всеохватывающие и всепроникающие средства воздействия на любого социального агента, включая вероятного противника. Фактически современная гибридная война – это форма тотального риска, которому подвержены природные экосистемы, технологические комплексы и человеческие общности любого масштаба. Соответственно, в условиях Третьей НТР такие базовые теоретические инструменты, как безопасность, коммуникация, среда обитания, ресурсы, доступность, метаболические процессы, мобильность, риск и др., приобретают новый социальный и политический смысл.

Критические города суть многосторонние узлы взаимодействия самых разных процессов и сил, которые связаны между собой столь же сложными метаболическими процессами. Докритический город и его посткритическое состояние это, по сути, разные социальные ор-

ганизмы с совершенно различными закономерностями их динамики. Подобные локализованные критические ситуации создают специфический уклад и образ жизни. Длительная война разрушает социальные экосистемы любых человеческих поселений. Но мало этого: в подобных фронтовых городах война сформировала некоторую «негативную экологию» в виде тотальной сцепки всех живых и мёртвых компонентов этой критической среды.

Город в критической ситуации — это «чёрный ящик», открыть который сразу и полностью не представляется возможным. Без тесного взаимодействия разных специалистов здесь не обойтись. Вероятно, со временем возникнет новая специальность: *археология военных действий post factum*. Но до неё необходима длительная и опасная работа по зачистке подобных городов. Опыт войны в Югославии середины 1990-х годов свидетельствует, что её города спустя годы подвержены опасности взрыва мин и снарядов, которые уже «неожиданно» проявляют себя вследствие стихийных бедствий (ливней, оползней) или строительных работ на расширяемых территориях.

Социально-экологические процессы неотделимы от *метаболических трансформаций*. В этом аспекте критический город представляет собой открыто-закрытую систему поступления и использования ресурсов. Если мирное население используется боевиками как оборонительный инструмент (живой щит, материал для выкупа, обмена на пленных или убитых), то само это население практически не имеет ресурсных или информационных связей с внешним миром. Это означает односторонний характер метаболических процессов, то есть практически полное их подчинение военно-политическим интересам. Вследствие их дистанционного и многоуровневого характера динамику городской войны трудно предсказать.

В ходе трёхлетней работы над проектом я постоянно сталкивался с трудностью инструментального характера. Дело в том, что адекватная презентация трёх- или четырёхмерных процессов, происходивших в рассматриваемых городах, невозможна на плоскости бумажного листа. Для полного отображения в модели реальных процессов в поселениях рассматриваемого типа нужна «объёмная» форма её презентации. Тем более что пространственно-временная динамика её отдельных компонентов различна. Грубо говоря, нужно 4-D моделирование анализируемых критических состояний с применением анимации.

Второй момент, также не нашедший своего адекватного отражения в данном тексте, это сложные метаболические процессы. Никакие «стрелочки» на схеме рассматриваемого города, указывающие на качественные связи его разнородных процессов, не могут отразить реальные физико-химические трансформации. Ни, тем более, их результаты. Опять остаётся только «текст», то есть дескриптивный метод. Опять же без анимации здесь не обойтись.

Третий момент — это проблема взаимодействия «материальной» и «виртуальной» сфер жизни подобных городов, да и любых поселений вообще. Этот дуализм постоянно мешает при попытках понимания и интерпретации «что на что

влияет, и что получается в результате». Снова приходится каждый раз оговаривать, что пребывание некоторого социального агента «здесь» вовсе не исключает его активности «там», то есть в виртуальной сфере. Или, например, что индивид может быть одновременно везде. Но ведь в реальности мы постоянно сталкиваемся с фактами тотального ухода людей в виртуальный мир, что может иметь тяжёлые социальные и психологические последствия.

Четвёртая проблема – это скрытые (тайные) сети. Может ли исследователь поселений названного типа быть уверенным, что ему удалось адекватно отобразить *всю систему связей* (сетей)? Или же мы, пользуясь только открытыми источниками информации, заведомо искажаем реальную жизнь осаждённого города?

Последнее. В социологии и смежных науках посткритический, то есть *реабилитационный период* жизни подобных поселений почти никогда подробно не рассматривался. Хотя выжившее население обычно стремится возродить свои поселения хотя бы частично. Но, может быть, современные девелоперы правы, когда предлагают территорию «зачистить» и построить на этом месте современный город?

Список литературы

Горбачев Ю. Пентагон и его электронные солдаты. 14 декабря 2016 [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. 2016. № 48 (663). URL: <http://vpk-news.ru/articles/34230> (дата обращения: 10.01.2017).

Сивков Г. Клонированный Че Гевара. 14 декабря 2016 [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. – 2016. – № 48 (663). URL: <http://vpk-news.ru/articles/34223> (дата обращения: 10.01.2017).

Храмчихин А. Мира Украине не видать. 18 декабря 2016 [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2016. № 47 (930). URL: <https://topwar.ru/105722-mira-ukraine-ne-vidat.html> (дата обращения: 11.01.2017).

Шарковский А. Пальмирой пожертвовали ради полного освобождения Алеппо. 18 декабря 2016 [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2016. № 47 (930). URL: <https://topwar.ru/105721-palmiroy-pozhertvovali-radi-polnogo-osvobozhdeniya-aleppo.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействии человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.

Deelstra, T. and Yanitsky, O. (eds.) Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya, 1991. – 393 p.

Fujita, K. (ed.) Cities and Crisis. New Critical Urban Theory. – London: SAGE, 2013. – 325 p.

Papademetriou, D. International Migration in a Changing World // International Social Science Journal. 1984. Vol. XXXVI. No 3. P. 409–424.

Wilson, J., Harel, Z. and Kahana, B. (eds.) Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam – New York and London: Plenum Press, 1988. 397 p.

Yanitsky, O. Sustainability and Risk: The Case of Russia // Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13 (3). P. 265–277.

Дата поступления в редакцию: 25.12.2016

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4996

A Qualitative Model of the Besieged City: The Case of Aleppo (Syria)

This article was prepared with the support of the RHSF, project “Sociology of critical states of urban systems: theory and practice”, grant № 15–03–000–27

Yanitsky Oleg Nikolayevich

Doctor of Philosophical Science, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. Drawing on a review of Russian and foreign sources, the media and his own experience in this research area, the author has organized his argument into the following theses. First, under the impact of the Third scientific and technological revolution (the STR) all conflictual situations in the world acquire complex (i.e. hybrid) character. Second, This STR created various network systems (informational, resource, humanitarian) as the all-embracing and all-penetrating means for an impact on any social actor including possible adversary. Third, the hybrid war is a form of a total risk to which human communities of any scale are subjected. Fourth, under these conditions any territorial demarcations (a nucleus-periphery, front-rear, safe-unsafe place) are becoming of relative character. Fifth, the space of social interactions has divided in a material and virtual ones. Accordingly, sixth, such basic theoretical instruments as a safety, communication, living environment, resources, accessibility, metabolic processes, and mobility acquire a new social meaning. Seventh, Therefore, recent cities are the major centers of the abovementioned forces and contradictions. On the basis of a set of empirical data some key theoretical issues of a specificity of modern urban war (guerilla), a disposition of forces involved (the combatants and peaceful inhabitants) as well as a role of distant actors, humanitarian pauses and international NGOs are analyzed. On the data related to the Aleppo city (Syria) and to some others the author suggests and substantiates (in the first approximation) a qualitative model of a besieged city.

Keywords: Aleppo, hybrid urban war, metabolism, model, networks, rehabilitation, scientific and technological revolution, infrastructures, total risk.

REFERENCES

Gorbachev Ju. 2016. Pentagon i ego elektronnyye soldaty [The Pentagon and its electronic soldiers]. 14 dekabrja. [online]. *Voenno-promyshlennyj kur'er*. 48 (663). URL: <http://vpk-news.ru/articles/34230> (accessed 10.01.2017). (In Russ.).

Hramchihin A. 2016. Mira Ukraine ne vidat' [A peace in Ukraine is not expected]. [online]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 47 (930). URL: <https://topwar.ru/105722-mira-ukraine-ne-vidat.html> (accessed 10.01.2017). (In Russ.).

Sharkovskij A. 2016. Pal'miroj pozhertvovali radi polnogo osvobozhdenija Aleppo [Palmyra sacrificed for the full liberation of Aleppo]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 47 (930). URL: <https://topwar.ru/105721-palmiroy-pozhertvovali-radi-polnogo-osvobozhdeniya-aleppo.html> (accessed 10.01.2017). (In Russ.).

Sivkov G. 2016. Klonirovannyj Che Gevara [Cloned Che Guevara]. 14 dekabrja 2016. *Voенно-promyshlennyj kur'er*. 48 (663). URL: <http://vpk-news.ru/articles/34223> (accessed 11.01.2017). (In Russ.).

Deelstra T. and Yanitsky O (eds.) 1991. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. 393 p.

Fujita, K. (ed.) 2013. Cities and Crisis. New Critical Urban Theory. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC. SAGE: 325 p.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B. (eds.) 1988. Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam. 397 p. New York and London: Plenum Press.

Papademetriou D. 1984. International Migration in a Changing World. *International Social Science Journal*. Vol. XXXVI. 3. P. 409–424.

Yanitsky O. 2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. Vol. 13 (3). P. 265–277.

Date received by 25.12.2016

